

ВОССТАНИЕ В АРАБСКОМ МИРЕ: ПОСЕВЫ И ВСХОДЫ

ОПЕРАЦИЯ «ОБЪЕДИНЕННЫЙ ЗАЩИТНИК»: ВСЕ ГРАНИ РЕАЛЬНОСТИ

Е. И. ДОРОШЕНКО

Кандидат филологических наук
Ведущий специалист МИА «Россия сегодня»

Ключевые слова: Ливия, резолюция СБ ООН 1973, военные операции НАТО, гуманитарная интервенция

Операция «Объединенный защитник» (*Operation Unified Protector*), одна из самых масштабных в истории последней военной кампании НАТО в Ливии, началась 31 марта 2011 г. Общим концептуальным основанием для нее стала принятая ООН доктрина «Responsibility to protect» - «обязанность защищать». Вероятно, это обстоятельство также определило и выбор названия операции: в словосочетании «Unified Protector» последний элемент, «защитник», соотносится с «to protect» - «защищать», в названии доктрины, а «unified», «объединенный», в свою очередь, указывает на смешанный состав задействованных сил - т.е. в данном случае подчеркивается роль НАТО именно как «альянса», «объединения» [1].

По мнению Флоренс Гоб из Института исследования проблем безопасности Европейского Союза - *EUISS* (Франция), автора монографии «Североатлантический союз и Ливия: переоценка операции «Объединенный защитник», эти военные действия во многих отношениях стали «первым опытом» как для НАТО, так и для США: в частности, «обязанность защищать» впервые была реализована на практике с целью поддержать мирное население Ливии в борьбе против «смертоносного режима» [2, p. 3].

Резолюция Совета Безопасности ООН 1973, предусматривавшая, как отмечает Гоб, три меры «военного характера»: обеспечение соблюдения оружейного эмбарго, установление бесполетной зоны и собственно «защиту мирного населения», стала одновременно и конкретным руководством к действию для сил Альянса, и предметом существенных раз-

ногласий. С одной стороны, резолюция предписывала исключить «инострannую оккупацию в любом виде», тем самым ограничивая военное вмешательство действиями с воздуха и моря, а с другой - оставляла широкое пространство для интерпретации положения о «защите мирного населения» [2, p. 4].

Именно неоднозначность формулировки последнего пункта, по утверждению Джеремайи Герглера, американского специалиста в области военной авиации, и стала главным поводом для споров: «Как сообщается, самым большим камнем преткновения [был вопрос о том,] насколько полная свобода действий будет предоставлена силам НАТО для защиты гражданского населения и мест его проживания, в соответствии с пунктом 4 резолюции 1973. Согласно отчетам, официальные представители Франции настаивали на сохранении возможности нанесения удара по наземным силам [ливийской армии], рассматривая их как угрозу для мирного населения, в то вре-

мя как их турецкие коллеги громко протестовали против любого преследования наземных сил. Германия, союзник НАТО, [также] способствовала усилению напряженности внутри Альянса, сначала воздержавшись от голосования по резолюции 1973 в Совбезе ООН, а затем, выражая протест против боевых действий в принципе, вывела все свои военно-морские силы, находящиеся в Средиземном море, из-под командования НАТО. ...Несмотря на то, что союзники, казалось, пришли к соглашению относительно военного участия, некоторые из вышеупомянутых разногласий, возможно, еще проявятся в ходе кампании» [3, p. 16].

Стоит также отметить, что взгляды и действия членов Альянса в немалой степени определялись и политическими соображениями. Для Германии, например, любые боевые действия в Ливии были «совершенно неприемлемы», а для США вопросы их масштаба и длительности имели непосредственное отношение к государственному праву. Так, в соответствии с американским законодательством, президент «обязан заручиться поддержкой Конгресса для задействования вооруженных сил США в военной кампании продолжительностью свыше 60 дней без прямого объявления войны» [2, p. 4].

Выход, тем не менее, был найден: Белый дом заявил, что операция в Ливии не может считаться собственно «войной» по той причине, что «[вооруженные силы] Соединенных Штатов играют ограниченную и вспомогательную роль [в составе] международной коалиции... Операции США не предполагают ни продолжительные боевые действия, ни активный обмен огневymi ударами с

Нарукавная нашивка участника операции «Объединенный защитник» (Италия).

войсками противника, ни присутствие американских наземных сил [на территории Ливии], и, следовательно, [миссия] США ... не представляет собой серьезной угрозы и [исключает] любую существенную возможность перерастания в конфликт с участием вышеупомянутых сил» [2, р. 5].

Главная проблема, однако, заключалась не в «нечеткости» формулировки ооновской резолюции как таковой, дававшей полномочия государствам-членам «...принимать все необходимые меры... (курсив авт.) для защиты гражданского населения и мест его проживания, находящихся под угрозой нападения, в Ливийской Арабской Джамахирии», и не в частных политических последствиях «миссии» для отдельных членов натовской коалиции, хотя оба этих фактора, безусловно, очень существенны [4, с. 3].

На самом деле гораздо более серьезное значение имело то обстоятельство, что и для обеспечения соблюдения оружейного эмбарго, и для установления и поддержания бесполетной зоны над Ливией, и, конечно же, для «защиты мирного населения» страны, в целом, требовались вполне конкретные меры - *военные действия*. Эта *практическая необходимость* выполнить предписания Совбеза ООН и стала впоследствии одной из самых трагичных составляющих «ливийского сценария»

ОРУЖЕЙНОЕ ЭМБАРГО

По сути, все эти «практические меры», предусмотренные резолюцией 1973, стали продолжением санкций, введенных ООН против Ливии уже в течение десяти дней после начала оппозиционных выступлений в Бенгази. Резолюция 1970 Совбеза ООН от 26 февраля 2011 г. постановила передачу дела «о ситуации в Ливийской Арабской Джамахирии в период с 15 февраля 2011 года» в Международный уголовный суд (МУС), установление оружейного эмбарго, а также запрет на поездки и замораживание активов определенного круга лиц [5]. Меняется и тон предписаний: если в резолюции 1970 речь идет о принятии необходимых мер «к недопущению прямой или косвенной поставки, продажи или передачи

Ливийской Арабской Джамахирии... вооружений и связанных с ними материальных средств всех типов» [5, с. 3], то в резолюции 1973 говорится уже об «*обеспечении строгого соблюдения* (курсив авт.) эмбарго на поставки оружия» [4, с. 4].

Комментируя такую смену формулировки, Мартин Д.Финк, во время проведения операции «Объединенный защитник» занимавший пост помощника юрисконсульта при штабе Объединенного командования сил НАТО в Неаполе, отмечает: «Во-первых, [данное изменение] представляло полномочия всем государствам-членам [ООН], а также любой международной или региональной организации/коалиции задействовать [меры по обеспечению] оружейного эмбарго в открытом море против любых судов, включая воздушные, тем самым ставя НАТО во главе всех военных операций. Во-вторых [таким образом], Совет Безопасности давал разрешение на применение силы с целью обеспечения соблюдения режима санкций» [6, р. 243].

«Оружейное эмбарго» ООН на практике означало создание вокруг Ливии морской блокады, которую осуществляли военные силы НАТО, наделенные правом останавливать и досматривать любое судно, направляющееся в тот или иной ливийский порт. По данным М.Д.Финка, в период с 23 марта по октябрь 2011 г., т.е. к концу операции «Объединенный защитник», «военно-морскими силами НАТО было остановлено 3110 судов, досмотрено [с высадкой на борт] 296. Еще одиннадцать было отказано во входе или выходе из ливийских портов» [6, р. 238].

БЕСПОЛЕТНАЯ ЗОНА

Пункт 6 резолюции 1973 Совбеза ООН «*постановляет* ввести запрет на все полеты в воздушном пространстве Ливийской Арабской Джамахирии, чтобы помочь защитить гражданское население» [4, с. 3]. Пункт 8 той же резолюции «*уполномочивает* государства-члены, которые уведомили Генерального секретаря и Генерального секретаря ЛАГ, действуя самостоятельно или через региональные организации или соглашения, принимать все

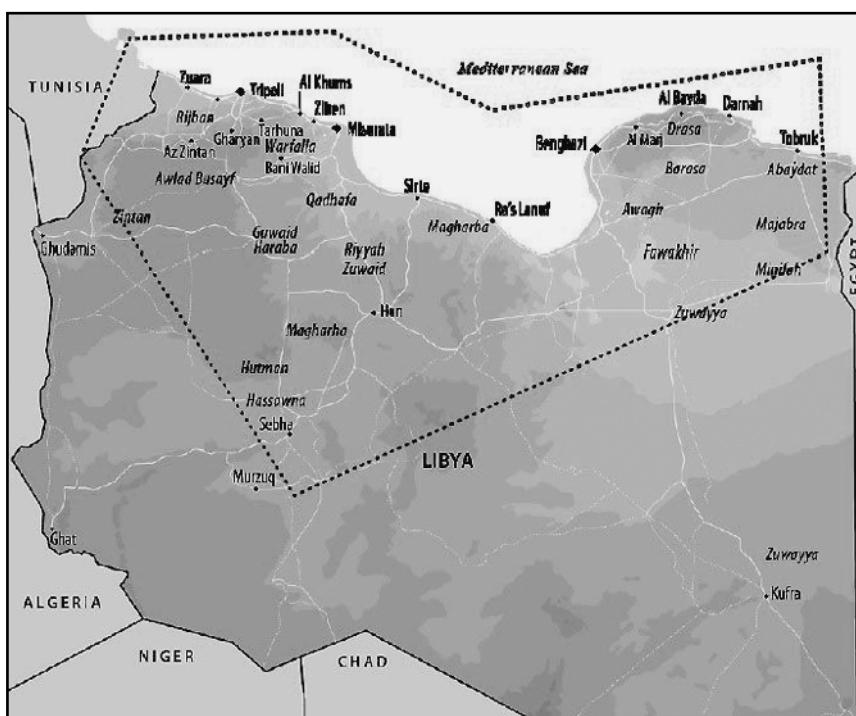
необходимые меры для обеспечения соблюдения запрета на полеты, введенного пунктом 6 выше, когда это необходимо...» [4, с. 4].

На первый взгляд, в этой формулировке не указывается напрямую на предполагаемые военные действия. Однако еще 1 марта 2011 г., более чем за две недели до принятия резолюции, генерал Джеймс Маттис, в то время глава Центрального командования вооруженных сил США (CENTCOM), так охарактеризовал предстоящие задачи: «Придется нейтрализовать силы противовоздушной обороны [противника], чтобы установить бесполетную зону. Поэтому - никаких иллюзий - это будет военная операция. [Ее смысл] - не в том, чтобы просто запретить людям летать на самолетах» [3, с. 9]. Не менее красноречиво высказался по тому же вопросу тогдашний министр обороны США Роберт Гейтс: «Будем называть вещи своими именами: бесполетная зона начинается с атаки на Ливию с целью уничтожить [ее системы] ПВО. Только после этого можно будет летать над страной, не опасаясь, что наши пилоты будут сбиты. Но таково начало» [2, р. 5].

«Летать над страной» ооновская резолюция всё же разрешала, хотя и избирательно: «Запрет, введенный пунктом 6, не распространяется на полеты, выполняемые исключительно в гуманитарных целях..., а также на другие полеты, которые будут сочтены необходимыми для блага ливийского народа (курсив авт.) государствами, действующими в рамках полномочий, предоставленных в пункте 8...» [4, с. 3-4].

Итак, 19 марта 2011 г., выполняющая предписания резолюции 1973 Совбеза ООН об установлении бесполетной зоны над Ливией, США и силы союзников приступили к операции «Одиссея Рассвет», начав с нанесения ударов по ливийским ПВО и авиабазам. Уже через несколько дней адмирал Сэмюэл Локлир, возглавлявший американские ВМС в Европе, заявил об уничтожении систем дальнего действия и авиации Каддафи [2, р. 6].

Выполнить эту задачу НАТО оказалось проще, чем ожидалось, несмотря на то, что ливийские ПВО были одними из лучших в Африке, уступая лишь

Карта расширенной бесполетной зоны над Ливией, 24 марта 2011 г.

египетским [2, р. 6]. Основную трудность теперь представляла правительственная система управления и контроля, а также то обстоятельство, что оставшиеся в распоряжении ливийской армии вертолеты, обнаруживая которые было труднее из-за их способности совершать полеты на меньшей высоте, могли быть использованы «нелегитимным режимом» для нанесения ударов по оппозиции, а следовательно, гражданское население всё еще находилось в опасности [2, р. 5-7]. Кроме того, теперь требовалось поддерживать установленную бесполетную зону над Ливией, что предполагало контроль над значительными территориями (см. карту).

Однако главной причиной для продолжения и расширения военных действий было то, что, по мнению аналитиков, «ни один самолет еще не захватывал и не удерживал территорию», поэтому, «хотя в операции «Объединенный защитник» ВВС и принадлежала ключевая роль, войну [в целом] выиграть с воздуха невозможно» [2, р. 8]. В общем контексте это означало, что для выполнения сверхзадачи по защите гражданского населения собственно установления и поддержания бесполетной зоны было недо-

статочно*, поэтому требовалось вовлечение в кампанию наземных сил [3, р. 3]. Поскольку НАТО приходилось выполнять недвусмысленный запрет ООН на оккупацию (пункт 4 Резолюции 1973: «...но исключая при этом возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории» (курсив авт.) [4, с. 3], в качестве пехоты для Альянса теперь выступили повстанцы [2, р. 8].

Участие этих вооруженных формирований в операции «Объединенный защитник» западный исследователь Ф.Гоб охарактеризовала так: «В большинстве аналитических материалов нет ни слова о наземной составляющей операции..., поскольку [эти силы] не находились под непосредственным командованием НАТО. Тем не менее, вооруженные подразделения, в той или иной степени подчинявшиеся ливийскому Переходному национальному совету (ПНС), действительно были сформированы. Эти отряды, объединившись с внешними силами, вольно интерпретировали Резолюцию 1973...» [и стали теми] на-

* Главнокомандующий ВВС США генерал Шварц уже в день принятия резолюции 1973 заявил, что сама по себе бесполетная зона «будет недостаточной мерой», чтобы переломить ситуацию в пользу оппозиционных сил, учитывая последние успехи ливийской армии [3, р. 3] (прим. авт.).

земными войсками, которые не только принимали участие в решающих битвах, но и понесли самые значительные... потери» [2, р. 8] (курсив авт.).

Таким образом, ни блокадой с моря, ни уничтожением ливийских систем ПВО и авиации в рамках операции «Одиссея Рассвет» военные действия НАТО в Ливии не ограничились. Фактически, «Объединенный защитник», как комплекс мер военного характера, направляемых, координируемых и осуществляемых силами НАТО, на практике приводивших не к угасанию, а разрастанию конфликта в Ливии, следует считать «расползанием миссии», аналогичным ранее иракскому и афганскому сценариям.

ЗАЩИТА МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Официальное заявление о начале операции «Объединенный защитник», в рамках которой силы Альянса передавались США в распоряжение штаба Объединенного командования в Неаполе, сделал 27 марта 2011 г. генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен. В своем выступлении он подчеркивает, что НАТО теперь предстоит расширить диапазон своей миссии, а это, в свою очередь, предполагает реализацию всех военных аспектов резолюции 1973 СБ ООН, включая защиту гражданского населения и мест его проживания посредством возможного нанесения ударов с воздуха по наземным силам, сохраняющим верность [режиму] Каддафи [3, р. 17] (курсив авт.).

Здесь, как и во многих ранее процитированных документах, положение о «защите гражданского населения» является ключевым. По всей видимости, это и есть та самая глобальная «благородная цель», вокруг которой выстроена доктрина ООН по «обязанности защищать», охарактеризованная директором Информационного центра ООН в Москве А.С.Гореликом как «новая концепция в международном праве». По его оценке, смысл «этой новации ... состоит в том, что, когда международное сообщество видит, что в конкретной стране правительство не только не может держать ситуацию под контролем

(а [в Ливии] она вышла из-под контроля), но еще и само правительство не может... прекратить какие-то массовые нарушения прав человека, или военные преступления, или даже участвует в них, то международное сообщество *может вмешаться...*» [7] (курсив авт.).

В контексте известных последствий действий НАТО, выполнявших предписания ООН в Ливии, возникают два закономерных вопроса: во-первых, насколько эта цель оправдывала примененные средства, и, во-вторых, ради *какой именно* части населения была проведена многоаспектная кампания, создавшая печальный прецедент и в международном праве, и в межгосударственных отношениях? Другими словами, не стала ли гуманитарная интервенция, призванная облегчить страдания гражданского населения, «удушением в объятиях», и не слишком ли велик был кредит доверия оппозиционным силам, представлявшим себя как «демократические»?

Исследование, проведенное в 2013 г. профессором Техасского университета в Остине Аланом Куперманом, ставит под сомнение высказывание Верховного главнокомандующего Объединенными вооруженными силами (ОВС) НАТО в Европе адмирала Джеймса Г.Ставридиса о том, что гуманитарная интервенция была «идеальной», «примерной» [8, р. 105]. Отвечая на вопрос о том, *действительно ли* главная цель НАТО заключалась в том, чтобы защитить мирное население, профессор Куперман пишет: «Не исключено, что за интервенцией НАТО в Ливии [первоначально] и стояло ... желание защитить мирное население, в соответствии с полномочиями [предоставленными Альянсу] Советом Безопасности ООН. Однако спустя всего несколько недель после начала военной операции, как показывают факты, это исходное намерение трансформировалось в цель свергнуть режим Каддафи, пусть даже ценой причинения большего вреда мирным ливийцам» [8, р. 113]. Основные аргументы А.Купермана в поддержку этой версии сводятся к следующему:

- силы Альянса наносили удары по *отступающим* отрядам ливийской армии, которые, кроме того, находились далеко от мест

проживания гражданского населения и не представляли для него никакой угрозы. В то же время натовской бомбардировке подверглись подразделения войск Каддафи, размещенные в его родном городе Сирт, население которого всецело поддерживало правительство, а, следовательно, не находилось под угрозой со стороны его армии;

- вместо того, чтобы добиваться прекращения огня, НАТО и его союзники оказывали помощь повстанцам, которые отвергли мирный путь урегулирования конфликта [в принципе], сосредоточившись на свержении [режима] Каддафи. Такая помощь мятежникам значительно продлила войну и увеличила объем ущерба мирному населению, что напрямую противоречит предписаниям ООН. ...Так, к 6 апреля 2011 г. официальные представители британской армии и разведки уже помогали повстанцам в Бенгази в разработке командной структуры и создании Министерства обороны. Помимо этого, союзники НАТО в регионе - такие, как Катар - принимали самое активное участие в ливийской кампании. По словам начальника военного штаба Катара, «в каждом регионе [Ливии] присутствовали сотни катарских военных», которые также «отвечали за подготовку и связь» повстанцев;

- теперь уже невозможно выяснить, соблюдалось ли бы предполагаемое прекращение огня силами Каддафи, ... однако, если бы целью НАТО *действительно* была защита мирного населения, Альянс оказывал бы повстанцам помощь лишь *при условии* серьезного рассмотрения ими политических решений, предлагаемых правительством [8, р. 113-115] (курсив авт.).

Далее, рассматривая проблему подлинности демократических устремлений ливийской оппозиции, следует помнить, что это политическое измерение противостояния использовал также и Барак Обама для обоснования военных действий НАТО. В своем заявлении о политическом курсе США, сделанном на следующий день после голосования по резолюции 1973, американский президент подчеркнул: «В случае, если Каддафи не остановится, у нас есть все основания полагать, что он проявит крайнюю жесто-

кость по отношению к собственному народу. Многие тысячи [людей] могут погибнуть. Наступит гуманитарный кризис. Весь регион может быть дестабилизирован, что будет представлять угрозу для наших союзников и партнеров. Призывы ливийского народа о помощи [в этом случае] останутся без ответа. Демократические ценности, за которые мы выступаем, потеряют свою значимость. Более того, высказывания международного сообщества превратятся в пустое сотрясение воздуха» [3, р. 3].

Та же тема присутствует и в выступлении тогда еще сенатора, а ныне госсекретаря США Джона Керри: «Международное сообщество не может безучастно наблюдать за тем, как против марша за демократию применяют насилие. ...У ливийского народа почти не остается времени. Мир должен действовать немедленно, чтобы предотвратить гуманитарную катастрофу» [3, р. 5].

Под «маршем за демократию» - в прямом смысле - подразумеваются демонстрации протеста против официального правительства, начавшиеся на востоке Ливии в феврале 2011 г. Однако можно ли считать их стопроцентно мирными, а действия режима - неоправданными и чрезмерно жестокими? Согласно официальной точке зрения, протестное движение в Ливии началось с насилия, развиваясь полностью по мирному сценарию революций в Тунисе и Египте. Тем не менее, как считает профессор Куперман, это опасное обобщение: «Вопреки имеющимся на сегодняшний день сообщениям большинства западных СМИ, многие ливийские демонстранты были вооружены уже в первый день восстания, 15 февраля 2011 г., в Бенгази. Правительственные силы первоначально применили средства нелетального воздействия: резиновые пули и водометы. ...Силы безопасности Каддафи воздерживались от применения летального оружия до тех пор, пока в течение последующих нескольких дней насильственные действия повстанцев не распространились [на другие города] и не приобрели большего масштаба.

...В Бенгази, крупнейшем городе на востоке Ливии, протестующие использовали стрелковое оружие, бутылки с зажигатель-

ной смесью, бульдозеры и начиненные взрывчаткой автомобили для захвата [местного] армейского гарнизона 20 февраля, спустя всего три дня после «дня гнева» - 17 февраля.

...В столице Триполи 20 февраля протестующие спровоцировали насилие, поджигая правительственные здания, тем самым вынуждая силы Каддафи действовать жестко» [8, р. 109].

Конечно, лучшим доказательством состоятельности этого мнения является текущая ситуация в Ливии, где реальная власть до сих пор находится в руках вооруженных группировок бывших «революционеров», членов тех самых «формирований», некогда находившихся в распоряжении ПНС и пользовавшихся широкой поддержкой НАТО, а саму страну сегодня невозможно назвать «государством победившей демократии». Следовательно, вряд ли можно сделать вывод, что именно мирное население действительно выиграло от кампании НАТО - ни в 2011 г., ни спустя три года после начала «арабской весны» в Ливии.

* * *

Рассматривая такие многомерные события новейшей истории, как ливийская кампания НАТО 2011 г. в целом, и операция «Объединенный защитник», в частности, с учетом предварающих решений международного сообщества, можно лишь наметить основные связи и факторы, повлиявшие на развитие «ливийского сценария». Теперь уже нельзя с уверенностью сказать, как сложилась бы судьба Ливии, если бы «гуманитарная интервенция» ограничилась операцией

«Одиссея Рассвет», без «расползания миссии» и трансформации исходной цели от «защиты мирного населения» до свержения режима. Очень сложно выяснить, каково истинное, первоначально заложенное толкование резолюций Совбеза ООН 1970 и 1973, и насколько «военная» интерпретация на самом деле далека от того, что подразумевалось. По словам А.С.Горелика, «...в самый первый момент, когда была принята эта резолюция [о бесполетной зоне], и когда по силам Каддафи стали наноситься удары, звучали голоса разных, в т.ч. обычно трезвых людей, которые, я помню, говорили: «Ну наконец-то обязанность защищать стала работать». В итоге, всё вышло несколько иначе, мягко говоря...» [7].

Характеризуя последствия «гуманитарной интервенции», Джеймс Паттисон, эксперт по политологии Манчестерского университета, отмечает: «...ситуация в Ливии казалась не настолько серьезной, чтобы быть достаточным основанием для смены режима или, точнее, для насильственной смены режима внешними силами в поддержку повстанческого движения. Опасность смены режима, как правило, превосходит [негативные последствия] гуманитарной интервенции: возможно большее число жертв среди [мирного населения], больший потенциал для дестабилизации прилегающих регионов, большие потери среди военнослужащих стороны, осуществляющей вмешательство, из-за необходимости присутствия ... контингента наземных сил» [9].

Можно также предположить, что одним из просчетов НАТО в Ливии, приведших как раз к «рас-

ползанию миссии», был «культурный промах», поскольку при штабе Объединенного командования Альянса в Неаполе не было советников по культуре, и, следовательно, не существовало четкого представления собственно о стране, своеобразии ее правительства и населения [2, р. 16]. Этот пробел Альянс пытался заполнить идеями «общеарабской культуры» с ориентировкой на страны Персидского залива, от которых Ливия существенно отличается. В итоге, «никто не смог предвидеть» того оборота, который приняла операция «Объединенный защитник»: «То, что Каддафи будет держаться за власть, что ливийская армия, при [всей своей] сравнительной слабости, продемонстрирует удивительную сопротивляемость и способность к адаптации, а также то, что население Триполи проявит очевидную незаинтересованность [в тот момент, когда от него] ожидалось восстание, оказались «сюрпризами» ... неизведанной территории» [2, р. 18].

Очевидно, что с течением времени будут появляться всё новые и новые документы, дополняющие картину «ливийского сценария». Возможно, единственным положительным моментом на сегодняшний день остается то, что созданный прецедент продолжает служить уроком для сил, ныне определяющих историческую судьбу еще одного государства - Сирии, хотя, как показывает печальный опыт Афганистана и Ирака, это не абсолютная гарантия того, что подобное не повторится. В любом случае, знаковая фраза - «мир больше не станет прежним», прочно вошедшая в обиход СМИ после 11 сентября 2001 г., применима и к событиям 2011 г. в Ливии.

1. См. также: Ходынская-Голенищева М.С. Обратная сторона операции «Объединенный защитник» // Азия и Африка сегодня. 2012. № 8. (*Khodynskaya-Golenishcheva M.S. Oborotnaya storona operacii Obedinennii zashitnik // Aziya i Afrika segodnya. 2012, № 8.*) (in Russian)

2. Gaub F. The North Atlantic Treaty Organization and Libya: Reviewing Operation Unified Protector // Strategic Studies Institute, US Army War College, Carlisle, PA. 2013 - <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/download.cfm?q=1161>

3. Gertler J. Operation Odyssey Dawn (Libya): Background and Issues for Congress // Congressional Report Service. 30.03.2011 - <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R41725.pdf>

4. Цит. по: Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года - <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement>

5. Резолюция 1970 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6491-м заседании 26 февраля 2011 года - <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/245/60/PDF/N114560.pdf?OpenElement>

6. Fink Martin D. UN-Mandated Maritime Arms Embargo Operations in Operation Unified Protector // Military Law and the Law of War Review. № 50/1-2, 2011 - <http://dare.uva.nl/document/456665>

7. Пресс-конференция А.С.Горелика, директора Информационного центра ООН в Москве, РИА «Новости». 23.10.2013 - <http://www.pressria.ru/pressclub/20131023/948574022.html>

8. Kuperman Alan J. A Model Humanitarian Intervention? Reassessing NATO's Libya Campaign // International Security. Vol. 38, № 1 (Summer 2013).

9. Pattison J. The Ethics of Humanitarian Intervention in Libya // Ethics and International Affairs. 25, 2011, № 3, p. 272.